

ИНОГДА

ЭЛИС ФИНИ

Я

ЛГУ

Издательство АСТ
Москва

Посвящается моему Даниэлю. И ей

Меня зовут Эмбер Рейнольдс. Обо мне вам следует
знать три вещи:

1. Я лежу в коме.
2. Мой муж меня больше не любит.
3. Иногда я лгу.

СЕЙЧАС

День рождественских подарков, 26 декабря 2016 года

Меня всегда восхищало особое состояние невесомости в промежутке между сном и явью. Эти драгоценные полубессознательные мгновения, перед тем как ты открываешь глаза, когда ты еще продолжаешь верить, что твои сны могут быть реальностью. Момент острого наслаждения или острой боли, пока чувства не перезагрузятся и не сообщат тебе, кто ты и что ты. Короткий миг, на какую-то секунду дольше обычного, я наслаждаюсь целительной иллюзией, представляя, что могу оказаться кем угодно и где угодно, что меня можно любить.

Сквозь закрытые веки пытается пробиться свет, мое внимание привлекает платиновое кольцо на пальце. Сегодня оно будто тяжелее, чем обычно, и как-то даже тянет меня к земле. Тело накрыто простыней, она пахнет непривычно, и в голову приходит мысль, что я, вероятно, в отеле. Воспоминания о сновидениях бесследно испарились. Я пытаюсь оттянуть момент окончательного пробуждения, пытаюсь остаться кем-то другим и задержаться там, где меня больше нет, — но

напрасно. Ничего не изменилось: я это я, и нахожусь там — теперь это уже понятно, — где мне совсем не хочется. Все тело болит, меня одолевает такая усталость, что даже нет желания открывать глаза. И вдруг я вспоминаю, что даже если захочу, у меня это все равно не получится.

По телу порывом ледяного ветра проносится паника. Память ничего не говорит о том, что это за место и как меня сюда занесло, но зато мне известно, кто я: *Меня зовут Эмбер Рейнольдс; мне тридцать пять лет; у меня есть муж Пол.* Эти три факта крутятся в голове, будто пытаюсь меня спасти, хотя мне и ясно, что в этой истории недостает нескольких глав, что из нее вырвали пару последних страниц. Собрав воспоминания в кучу, насколько это вообще возможно, я хороню их до тех пор, пока они не успокаиваются в голове, пока ко мне не возвращается способность думать, чувствовать и предавать осмыслению все, что произошло. Один отголосок прошлого отказывается уходить, упорно пробиваясь на поверхность, но у меня нет желания ему верить.

В сознание врывается мерный рокот какого-то аппарата, лишая последней надежды, оставляя меня наедине с пустотой, которую заполняет единственно понимание, что я лежу на больничной койке. От стерильной вони палаты меня тошнит. Ненавижу больницы. Они — обители смерти и сожалений, теперь совершенно неуместных, и совсем не то место, где мне когда-нибудь хотелось бы побывать, тем более в качестве пациента.

Недавно — вспомнила! — здесь были какие-то люди, совершенно мне незнакомые. Произнесли сло-

во, которое мне совсем не хотелось слышать. Все суетились, говорили на повышенных тонах, в воздухе висел страх, и не только мой. Я стараюсь откопать в памяти что-нибудь еще, но разум отказывается мне служить. Случилось что-то очень плохое, но что и когда — я вспомнить не могу.

Почему здесь нет его?

Задавать вопрос, заранее зная на него ответ, может быть опасно.

Он меня не любит.

Эту мысль я откладываю на потом.

До слуха доносится звук открываемой двери. Шаги, потом вновь наступает тишина, но какая-то испорченная, которую уже нельзя назвать непорочной. В нос бьет стойкий, прогорклый запах табака, справа раздастся скрип бегающей по бумаге ручки. Слева кто-то кашляет, и я понимаю, что их двое. Чужаки, скрывающиеся во тьме. Становится холоднее, чем раньше, я кажусь себе ужасно маленькой. Такого ужаса, как сейчас, раньше я никогда не знала.

Хочется, чтобы кто-нибудь что-то сказал.

— Кто она? — спрашивает женский голос.

— Понятия не имею. Бедняжка, какой ужас! — отвечает ей другой, тоже женский.

Уж лучше бы молчали. Я кричу:

Меня зовут Эмбер Рейнольдс! Я радиоведущая! Почему вы не знаете, кто я?

Я повторяю одно и то же снова и снова, но на меня никто не обращает внимания, потому что снаружи я молчу. Во внешнем мире я никто, у меня даже нет имени. Я хочу, чтобы они посмотрели на меня. Хочу сесть, протянуть руку и прикоснуться к ним. Хочу

опять что-нибудь ощутить. Что угодно. Кого угодно. Хочу засыпать их вопросами. Думаю, у меня есть право получить на них ответы. Они повторили то же слово, что говорили и другие, слово, которое я не хочу слышать.

Медсестры закрыли за собой дверь, но слово с собой не забрали — теперь мы остались с ним один на один, и у меня больше нет возможности его игнорировать. Я не могу открыть глаза. Не могу двигаться. Не могу говорить. Слово пузырем всплывает на поверхность, обрушивается на меня, и теперь я знаю — это правда.

Кома.

НЕДАВНО

---

*Неделей раньше — понедельник,
19 декабря 2016 года*

Я на цыпочках спускаюсь вниз в предрассветной тьме, стараясь его не разбудить. Все, казалось бы, на своих местах, но в душе зреет уверенность — чего-то не хватает. Я надеваю тяжелое зимнее пальто, чтобы защититься от холода, и приступаю к повседневному ритуалу. Для начала несколько раз дергаю ручку задней двери, чтобы убедиться, что она закрыта.

Вверх-вниз. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Потом встаю перед большой длинной плитой и сгибаю в локтях руки, будто собираюсь дирижировать внушительным оркестром газовых горелок. Пальцы обеих рук складываются в привычную фигуру: указательный и средний смыкаются с большим. Я тихо шепчу и внимательно осматриваю конфорки, проверяя, все ли выключено. Повторяю процедуру три раза, пальцы при этом отстукивают азбуку Морзе, расшифровать которую, кроме меня, не дано никому. Удовлетворенно констатировав, что все в полном порядке, я выхожу из кухни, но в коридоре задерживаюсь, задаваясь вопро-

сом, не стоит ли сегодня вернуться и проверить все еще раз. Похоже, что нет.

По скрипучим половицам я прокрадываюсь в холл, беру сумку и проверяю ее содержимое. Телефон. Кошелек. Ключи. Закрываю ее, но тут же открываю снова и проверяю опять. Телефон. Кошелек. Ключи. Потом, уже по пути к выходу, повторяю еще раз. На мгновение замираю и потрясенно смотрю на незнакомку, взирающую на меня из зеркала. У меня лицо женщины, которая когда-то, пожалуй, была красива, хотя теперь я ее совершенно не узнаю. Пестрая палитра светлого и темного. Большие зеленые глаза, прячущиеся под густыми карими бровями, обрамлены длинными черными ресницами; под ними залегли унылые тени. Кожа бледным полотном обтягивает скулы. Темно-каштановые, почти черные волосы рассыпаны по плечам — ничего лучше я придумать не могу. Я причесываю их пальцами и стягиваю в хвост, закрепляя его снятой с запястья резинкой. Теперь на меня смотрит лицо, будто специально созданное для радио.

Потом спохватываюсь, что времени уже много, и напоминаю себе, что поезд ждать не будет. Я не сказала «до свидания», но не думаю, что это важно. Выключаю свет, выхожу из дома, трижды проверяю, заперла ли входную дверь, и шагаю через сад по утопающей в лунном свете тропинке.

Хотя еще рано, я уже опаздываю. Мадлен к этому времени уже явится в офис, прочтет все газеты и выудит из них все интересное. Продюсеры станут копаться в бранных бумажных останках, потом она разорется и станет их стращать, чтобы они подыскивали для ее шоу только тех, с кем можно сделать замечательное

интервью. Такси будут подбирать и извергать чересчур воодушевленных и плохо подготовленных гостей эфира. Каждое утро происходит что-то новое, но все равно все время одно и то же. Полгода назад я влилась в коллектив передачи «Кофейное утро», и пока все идет совсем не так, как я планировала. Многим может показаться, что у меня сказочная работа, но ведь сказки бывают очень страшными.

Я останавливаюсь в вестибюле, чтобы купить кофе себе и коллеге, а потом поднимаюсь по каменным ступеням на пятый этаж. Лифты я не люблю. Перед тем как перешагнуть порог, надеваю улыбку, напоминая себе, что лучше всего у меня получается мимикрировать под окружение. Я могу изобразить «Эмбер-подругу», «Эмбер-жену», но сейчас время воплотить другой образ — Эмбер из передачи «Кофейное утро». Мне по плечу сыграть любую роль, которую предложит жизнь, потому что за долгие годы репетиций я выучила наизубок каждую реплику.

Солнце едва поднялось над горизонтом, но наш небольшой, преимущественно женский коллектив уже в сборе. Три молодых продюсерши, подгоняемые кофеином и честолюбием, склонились над своими столами. Окружив себя кипами книг, старых сценариев и пустых чашек, они с таким увлечением барабанят по клавиатурам, будто от этого зависит жизнь их любимых кошек. В дальнем углу, в личном кабинете Мадлен, горит лампа. Я сажусь за стол, включаю компьютер, попутно отвечая на дружеские улыбки и теплые приветствия коллег. Люди — не зеркала, они видят тебя совсем не такой, какой видишь себя ты.